

НЕМНОГО О СЕБЕ И О ПРОШЛОМ (размышления в канун 60-летия)

Летом ездю на работу в Академгородок из города на электричке, выхожу на станции «Обское море». Золотым сентябрьским утром 1970-го наш первый курс гумфака НГУ поехал отсюда в колхоз, на «Посевную». Иных уж нет... Вокруг всё родное: лес, море, за лесом Жемчужная улица (там живет мама). Спустишься от станции и смотришь вверх со стороны моря — утренние лучи весело играют в верхушках деревьев, напоминая образы латышских песендайн о Солнце и Дочерях Солнца (*saules meitas*). Смотришь сверху — среди зелени открывается зеленовато-голубая ширь, сливающаяся вдаль со сверкающе-синим небом. А вспомнить книгу «Прокляты и убиты» В. Астафьева: где теперь воды рукотворного моря, в 1942 году был жуткий лагерь новобранцев, которых ждал истекавший кровью фронт. Мама, закончив в 1941-м школу, уже больше года работала тогда учительницей в Ордынском районе.

В 1970—1975 я учился в НГУ. Благодарен преподавателям, моему руководителю профессору К.А. Тимофееву. Оппонентом на защите диплома была Н.Н. Широкова, замечательный тюрколог, эрудит. С ней мы давно работаем в одном институте. НГУ был волшебным поворотом в жизни: я попал в оазис науки в Сибири. Порождение хрущевской оттепели... В НГУ и позднее в армии, в СО АН и в Москве ездил со всеми в колхоз. Как-то осенью 1986-го после грязной работы приятель из местных пошутил: «Ты как с Сиблага вышел». От искитимского Сиблага отделяли 40 км, 40 лет и слово «как».

Важным эпизодом учения в НГУ были лекции И.А. Мельчука из Института языкознания в Москве, знакомившего нас с «передним краем науки» (рекомендация К.А. Тимофеева) и с традицией крупнейших лингвистов XX в.: Р.О. Якобсона («Ромка Якобсон» у Маяковского), Н.С. Трубецкого, Н. Хомского... В 1977 году за поддержку академика А.Н. Сахарова Мельчук был уволен с работы и уехал в Канаду.

В 1977—1978 годах я служил военным музыкантом в Белогорске к северу от Благовещенска (рядом Китай). В 1979м повезло: чудом поступил в аспирантуру Института русского языка в Москве к ведущему слависту-этимологу академику О.Н. Трубачёву. Изучал омонимы в праславянском языке. В 1985—1990 гг, отчасти и позднее, работал в СО АН с памятниками сибирского фольклора. В Якутске занимался томами эвенкийского эпоса и фольклора юкагиров со знатоками языка и культуры своего народа А.Н. Мыреевой и Г.Н. Куриловым. В Улан-Удэ — тофаларским фольклором с замечательным лингвистом В.И. Рассадиным. В экспедициях под

руководством А.Б. Соктоева побывал на Чукотке, в колымской тундре, на Колыме и Ясачной, в Оймяконе и Верхоянске, на Вилное и Алдане.

В 1990-м стал докторантом Института русского языка. Очень много дало новое общение с О.Н. Трубачёвым и Отделом этимологии, друзьями в институте, а также работа (1993 г.) в Институте славяноведения и общение с такими крупными учёными, как С.Л. Николаев и Е.А. Хелимский, который затем стал главой Финно-угорского института в Гамбургском университете. С Николаевым я ездил в две диалекто-логические экспедиции (Западная Украина, Закарпатье). Хелимский вплоть до его смерти в 2007 году был моим постоянным консультантом, в том числе при подготовке этимологических словарей русских диалектов Сибири, словаря балтизмов в русском языке, других проектов. Он завещал свою обширную библиотеку нашему Институту филологии СО РАН, и её в 2008 удалось перевезти при помощи ГПНТБ (спасибо директору!) из Гамбурга. В ИФЛ я почти 20 лет (с 1994 года, по приглашению чл.-корр. Е.К. Ромодановской), что стало большой жизненной удачей.

В 2004 году Хелимский, уже тогда чувствовавший себя неважно, предложил мне объединить его материалы и публикации по связям тунгусо-маньчжурских и самодийских языков, опираясь на его новую реконструкцию прасамодийского вокализма. Работу стимулировала дискуссия с нашим научным редактором, замечательным тунгусо-маньчжуроведом А.М. Певновым (тоже выпускником НГУ) из Института лингвистических исследований в Петербурге. Он помещает прародину тунгусо-маньчжуров на Амуре, в нашей с Хелимским книге она локализована в Прибайкалье.

От выдающихся филологов академика В.Н. Топорова и Т.В. Цивьян у меня интерес к связям балтийских и славянских языков, к русской поэзии. Сказалось и влияние Р.Д. Тименчика, наиболее авторитетного исследователя Ахматовой и Серебряного века. В 2011-м я подытожил в виде книги свои публикации о связях поэзии Анненского и Ахматовой на фоне французской и античной традиций.

Но главное с 2004 года — совместная с Институтом русского языка (директор академик А.М. Молдован) работа над новым «Русским этимологическим словарём». Проект возник из начатых О.Н. Трубачёвым дополнений к этимологическому словарю М. Фасмера (1886—1962). Немец, он родился и вырос в Петербурге, закончил там университет и стал в Европе великим учёным.

Едва ли не в первый день учения в НГУ я услышал разговор двух студентов о «проблемах Гильберта». Позднее ознакомился с книгой К. Рид «Гильберт». Анненский сказал, что Поэт «бросает векам проблемы». Родившийся 150 лет назад гений математики Давид Гильберт в 1900 г. изложил 23 её проблемы, которых с лихвой хватило на весь XX век. Он верил в человеческий Разум и сам его олицетворял. И Гильберт и М. Фасмер были иностранными членами

АН СССР. Оба принадлежали к числу учёных, отвергающих любые (национальные, религиозные и др.) препоны для свободы научного познания.

В 1975м я побывал на студенческой конференции в университете Калининграда. До войны там, в восточной провинции Германии, был старинный кенигсбергский университет, alma mater Гильберта и философа Канта. Порождение Реформации, обусловившей и превращение Тевтонского ордена в светское герцогство Пруссия, ставшее позднее частью королевства, затем империи с центром в Берлине. Имя Preussen перешло на королевство в целом (это, как если бы вся Россия получила имя Сибирь), Пруссия сделалась его провинцией: Ostpreussen. Зажиточные хозяйства Восточной Пруссии стали образцом для реформ П.А. Столыпина. Среди «стольпинских» крестьян, отправившихся в Сибирь после 1906 года, были и мои прадеды по материнской линии. Их ждали тяжкий труд, войны, лихолетье...

Крестоносцы-тевтоны завоевали земли древних пруссов-балтов, ближайших родственников литовцев и латышей. Борьба ордена и Литвы изображена в поэме Мицкевича «Konrad Wallenrod», вдохновившей первую балладу Шопена. Начало поэмы перевел Пушкин: Сто лет минуло, как тевтон В крови неверных окупался... По авторитетному мнению А. Сабалаяускаса (Вильнюс), в стихах перевода Лишь хмель литовских берегов, Немецкой тополью плененный возможна неточность: Мицкевич говорит, видимо, о красе прусско-балтийской — не прусско-немецкой! — «тополи» (pruskiej topoli). Стих «Уже прусак в оковы вдался», как и в оригинале, указывает на пруссов-язычников («неверных»).

Немецкое Preusse ‘житель Пруссии’ и польское prusak усвоены из древнепрусского prusis. С Русью этимологически ничего общего. Наше «прус(с)ак», обычно в значениях ‘немец’, переносно ‘таракан’, пришло уже из польского. В немецкий язык Восточной Пруссии за столетия проникли балтийские слова, много местных названий. Покоренные пруссы перешли на немецкий и частично на литовский (Малая Литва), но память об аборигенах края осталась, особенно в топонимике, в самом названии «Пруссия», в местных немецких фамилиях. В 1938 гауляйтер Э. Кох декретировал замену ряда ненемецких топонимов Восточной Пруссии на немецкие.

Нацисты пришли к власти в 1933-м, в 1939-м начали войну, а в 1935-м приняли нюрнбергские законы, погубившие школу Гильберта (с 1895-го в Гёттингене, где и умер в 1943 г.). «Защита немецкой крови и немецкой чести» стала для Германии и её науки бедствием. Сын судьи, воспитанный на вере в прусско-немецкий закон, Гильберт не мог представить себе, что профессора можно уволить за национальность. Сам он вполне подходил под категорию «арийца» (хотя и с дозой «неарийской» донорской крови его ученика Р. Куранта) и имел немецкую фамилию (Hilbert), но вынужден был объяснять, откуда у него имя David. Справку об «арийских» предках М. Фасмера по месту его рождения (в Ленинграде) для предъявления в Германию добывал его брат, которого ОГПУ обвинило в шпионаже. Р. Фасмер, оставшийся в СССР

блестящий учёный-востоковед, был арестован по делу «славистов» (интеллигентов дореволюционного пошиба) и умер в неволе в 1938 году. Зарубежными обвиняемыми были Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, М. Фасмер, П.Г. Богатырёв.

Друг Гильберта ещё с Кёнигсберга Г. Минковский умер задолго до нацизма, иначе ему в лучшем случае выпала бы участь его ученика (в Цюрихе) А. Эйнштейна или Р. Куранта — заокеанская чужбина. Среди многих европейских учёных-эмигрантов, спасавшихся от нацизма, был Р.О. Якобсон. Работая в Америке, он сблизил лингвистику Старого и Нового света, повлияв, в частности, на взгляды Н. Хомского и И.А. Мельчука. Как говорил нам в НГУ Мельчук, «трое русских» — Р.О. Якобсон, Н.С. Трубецкой и С.И. Карцевский — в конце 1920х основали Пражский лингвистический кружок. Князь Трубецкой умер в Вене после аншлюса Австрии (1938 г.). ОГПУ видело в нем главу «русских фашистов», гестапо допрашивало по поводу его антинацистских публикаций.

Нацизм не сказался на убеждениях и трудах Фасмера. Рискаю, он добивался освобождения польских славистов. В 1944-м в его квартиру в Берлине попала бомба, погибли книги, рукописи. Диктат новых властей и болезнь глаз вынудили Фасмера в 1947 г. уехать в Швецию, откуда он вернулся в 1949 г. и, работая уже в Свободном университете Западного Берлина, писал и завершил «*Russisches etymologisches Wörterbuch*». Будущий переводчик словаря Фасмера, 11-летний О.Н. Трубачёв летом 1942-го был в Сталинграде и мог погибнуть при бомбежках. Фасмер посвятил словарь памяти брата и отца. В советском издании посвящение (и статьи о матерных словах) сняла цензура.

Фашисты напали на СССР в 1941-м. «Ивана вразумишь только оружием» (слова персонажа из «*Homo faber*» М. Фриша). Ценой немыслимых жертв «Иван» выстоял, а в 1945-м завоевал Восточную Пруссию, взял Берлин. Его брал и мой отец-артиллерист, до армии сельский учитель из-под Ишима. Отец моей жены был инвалид войны, а её мать под бомбежками спасалась летом 1941-го с Украины.

В 1946—1947-х имели место массовые замены названий типа *Konigsberg* — Калининград. Терялись целые пласты исторической памяти. Так и в случае со Знаменском вместо немецкого *Wehlau* (место рождения Гильберта) из древнепрусского *Velowe* — возможно, имени места почитания предков, от *wele* ‘душа умершего’. Города тевтонов нередко строились на месте селений и памятных мест аборигеновпруссос (ср. в Сибири Берёзов, Самарово и др.).

В эпоху Гильберта Германия была мировым лидером в науке и образовании, немецкий был главным языком науки. Есть мнение, что человечество достигло в начале XX в. предела своего интеллектуального развития, с тех пор идет спад. Так или нет, но XX в. был временем великих открытий в науке, искусстве. И событий, «которым не было равных» (Ахматова). В 1991м мне довелось быть свидетелем рождения новой России (см. № 33 «НВС» за 2011 г.).

Д. Гильберт сказал, что десяти мудрецам не придумать ничего глупее астрологии. Её у нас с избытком, как и прочего оккультно-мистического тумана. Не забыт нацистский вклад: «Аненербе» и др. А сколько вздора об истории русского языка, с презрением к «официальной» науке, с изобличениями М. Фасмера и академика Г.Ф. Миллера, иных «нерусских», «полукровок» и т.д. Будто и не было уроков прошлого, академика Н.Я. Марра, его четырёх элементов... Всякая чушь о русском как языке супер-древних «арийцев» и подобная навязывает себя массовому сознанию и сама непрочь стать «официальной». Филологию, пережившую войны, «дело славистов», марризм и т.д., атакуют невежество, национализм и, фактически в союзе с ними, ЕГЭ, «признаки неэффективности», сокращение бюджетных мест, слияние вузов.

С женой Леночкой мы познакомились ещё студентами НГУ, в колхозе. По образованию она историк — конечно, не по «новой хронологии»! Родились мы с разницей в один день и живем вместе почти 40 лет, есть дочь и внук. Но лишь в XXI в. я заметил у жены задатки юмориста. Вот примеры её блиц-откликов на высказывания: мои, в Интернете (И) и по телевидению (Т).

— Дай мне шипучее лекарство. — Вот простое, шипи сам.

— Надо матовые фотографии. — Неси простые, матом обеспечат.

— Есть у тебя честь-совесть? — Честь имею, ваше умнейшество! И совесть!

— Что такое колоноскопия? — Надувательство!

— Мне полечили зубы, красивая улыбка! — Джоконда отдыхает!

— Академик Тамм работал сутками! — А сколько Вы, член-корреспондент Тутт?

— Не поеду за шкурой, я не Ясон! — Ты явь!

— Ты должна мужа почитать, убояться! — Я лучше книжку почитаю.

— Знакомый ушел из семьи, с концом. — Хоть бы конец оставил! (И)

- В Институте русского языка все нерусские. Директор Молдован! — Россия для русских, Институт русского языка для суперрусских! (И)

- Атеист недочеловек. — Зато переобезьяна! (Т)

- Раджив умер, прожив 200 лет. — И стал не Раджив, а Рад-мёртв. (Т)

- Человечество ждет великий квантовый скачок. — Скачок потом. Пока заскок.

- Квантанётся человечество. А кое-кто уже квантанутый.

Несу както домой мешок с картошкой. Иду через двор, там новый дом. Над дорогой повесили цепь. Пеший, пройду. Перенес через цепь одну ногу, да зацепился другой и загремел с мешком на асфальт. Как определила Леночка, «с цепи сорвался». Садины на руках — «цепная реакция». Цепей, шлагбаумов, заборов и т.п. радостей жизни у нас всё больше, есть над чем посмеяться...

На снимке В. Новикова: — чл.-корр. РАН А.Е. Аникин с супругой Еленой.

Источник:

А. Е. Аникин Немного о себе и о прошлом (размышления в канун 60-летия)// [Наука в Сибири](#). - 2012. - N 48. - С. 8.